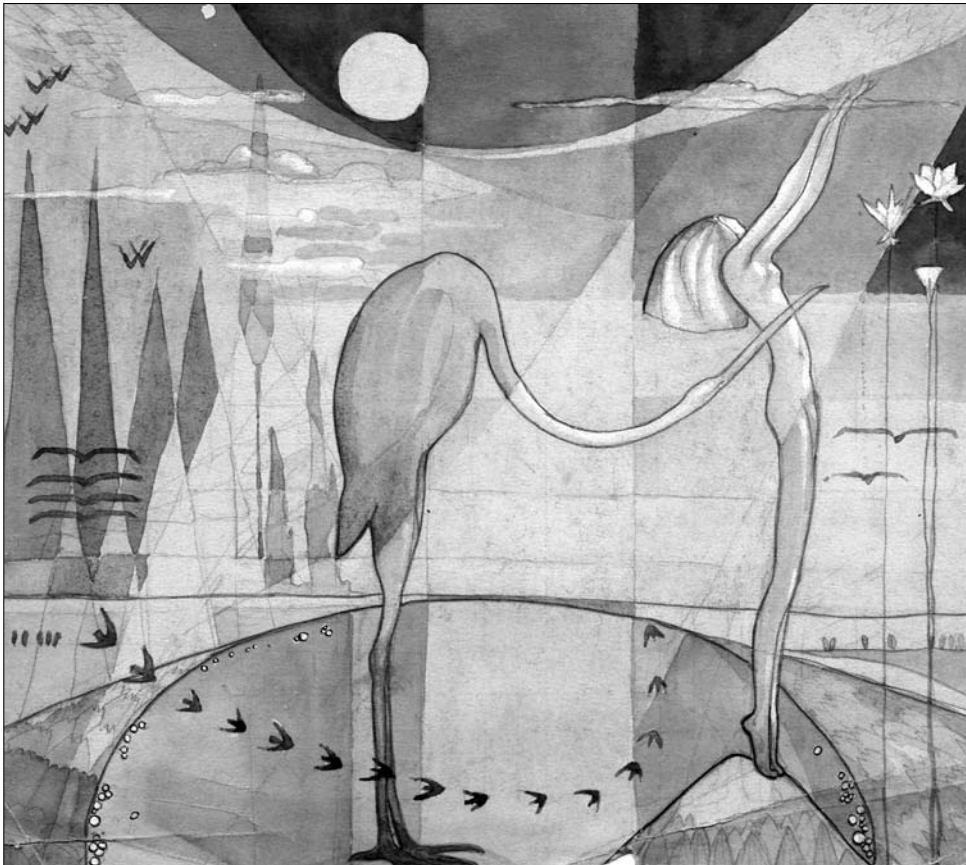

Композиция.

Композиция.

Композиция — 47. 10,5 x 13, бумага, карандаш, 1918.

Амор. 9,8 x 15,6, бумага, тушь, 1918.

Евгений ГОЛУБОВСКИЙ Музыка сфер

Нет, это не джаз, не хоралы и фуги Баха, не мелодия Чайковского... Это трагическая попытка соединить видимое с невидимым, дать услышать немые колокола, тональными растяжками приблизить поэзию, звучащую в многоголосии Скрябина, в его музыке сопредельных сфер.

Таким мне представляется всетворчество (намеренно пишу это слово слитно) неведомого (не забытого, а неведомого!) художника Димитрия Лебедева.

Сто листов акварелей, сотни рисунков — наследие художника, пришедшее к нам в первоизданном виде через 90 лет. Мы давно уже перестали верить в чудеса. Но искренне признаюсь: для меня это — чудо. Более того, третья за начало XXI века. Коллекция Я. Перемена вернула Одессе представление о масштабе Общества независимых художников; выставки Давида Тихолуза показали, что тихие, не замутненные суетой наших псевдоборений таланты живут среди нас и, увы, раскрывают свои подвалы за год до смерти, как было с Тихолузом. И, наконец, пришествие в наш мир Димитрия Лебедева.

Есть такое уже сложившееся и в философии, и в искусствоведении понятие — «русский космизм». У его истоков стоял Николай Федоров, автор труда «Философия общего дела». Его мысль о том, что человечество должно сфокусировать свою энергию на том, чтобы вернуть жизнь ушедшим поколениям, вдохновила не только Льва Толстого, но и Константина Циолковского, не только академика Владимира Вернадского, но и художника Василия Чекрыгина, поэта Николая Заболоцкого...

Думаю, нам уже не узнать, кто и как познакомил Димитрия Лебедева с идеями русского космизма. Но то, что он стал адептом, проводником, трагическим мучеником этой идеи — безусловно. И в его творчестве, а работал он каких-то пять — шесть лет, умер 23-летним, зазвучала чистая и тонкая, взволнованная и, безусловно, трагическая музыка сфер. Еще не создал В. Вернадский теорию «ноосферы», объединившую Землю и Космос, разум земной и небесный в единое целое, но всетворчество Д. Лебедева — это интуитивное осознание ноосферы, той самой, смысл которой Вернадский озвучил лишь в 1944 году.

А в 1919 году на выставке независимых художников Одессы четыре работы показал Димитрий Лебедев. Сохранились три эскиза к четвертой — «Колокола». Можно предположить, что это единственная работа молодого художника, ему было 20 лет, которая была куплена с выставки.

Но «Врата горизонта», «Восход солнца» и «Небесная корова», акварели, показанные в 1919 году и дошедшие до нас даже в первоизданном оформлении, как и эскизы «Колокола», знакомят нас не с учеником, не с самоучкой, а со сложившимся профессиональным мастером, знающим, что он создает, и умеющим передать свое виденье космоса.

Александр Дмитренко коллекционирует автопортреты художников. В поисках очередного автопортрета он нашел семью, где хранилось наследие Д. Лебедева. Автопортрет был замечательный. Но внутреннее чутье

коллекционера подсказало Александру, что приобретать нужно весь комплекс работ. Думаю, что автопортрет, как и еще три — четыре точных, острых реалистических рисунка, убедили Кириака Костанди зачислить Д. Лебедева в училище. Знал бы старый мастер, что не реализм — путь молодого человека. А может быть, и знал, и мы недооцениваем провидческий талант Костанди, ведь, что ни говори, но весь одесский авангард прошел через его школу.

Итак, Лебедев дебютировал на выставке «независимых» в 1919 году. Общую настроенность авангардистов Одессы я бы характеризовал как путь от импрессионизма к фовизму, а затем и к кубизму. Почти никто не увлекся визионерством, поиски символистов, таких как Пюви де Шаванн, как Арнольд Бёклин, Миколоус Чюрленис, одесситам, пропитанным солнцем юга, были также чужды. Это общие рассуждения, общее правило, но именно поэтому в нем непременно должны быть исключения. Кстати, философ Николай Федоров учился в Одессе, в Ришельевской гимназии, и это было единственное учебное заведение в его биографии. Всё остальное — подвижническое самообразование. Так вот, еще одним исключением стал Димитрий Лебедев, одесский символист.

Сдержанные, в холодной гамме, работы. Трагизм не только в цвете, не только в продуманном названии картин (а это картины, в какой технике они ни были бы исполнены), трагизм в понимании ужаса эпохи. Но если немецкий философ Освальд Шпенглер предрек «Закат Европы», то одесский юноша Димитрий Лебедев сопрягал земное и небесное и веровал в высший разум Космоса.

Сохранились страницы научно-фантастического романа Д. Лебедева. Мало того, что в нем действует Циолковский, это имя в 1920 году знали за пределами Калуги не миллионы, не тысячи, а сотни человек, Лебедев рисует иллюстрации, где предвидит свои конструкции дирижаблеподобных космолетов, соединяющих миры.

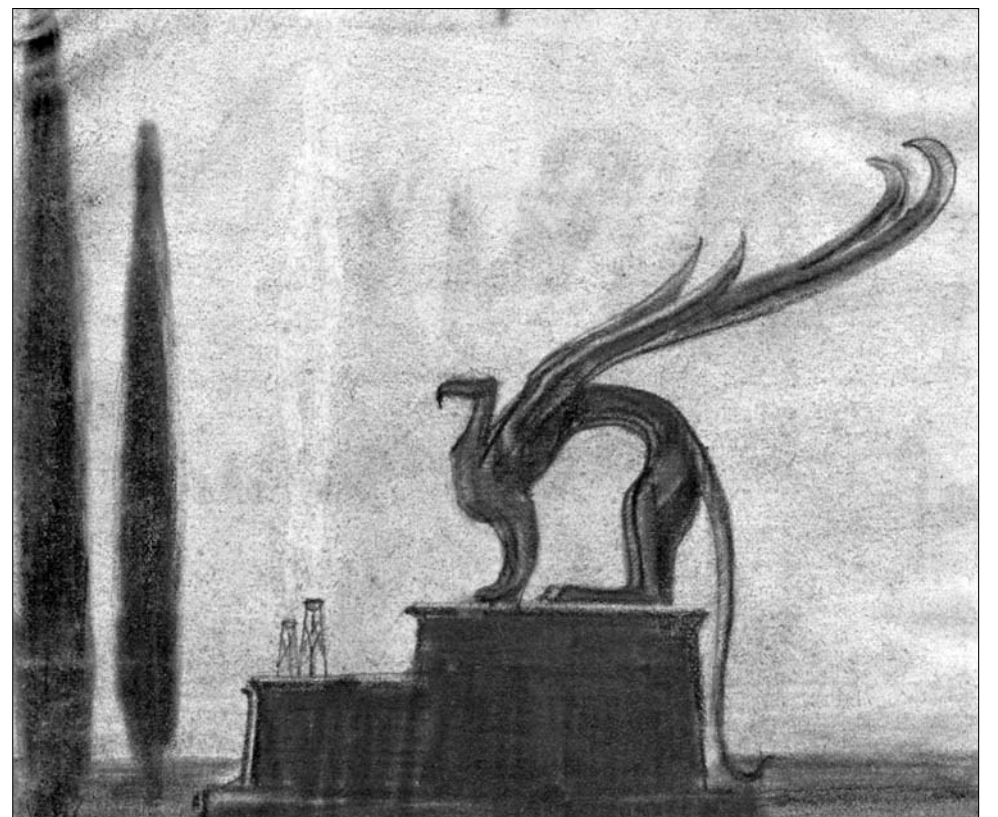
А миры художника дуалистичны. И в том, что это небо и земля, и в том, что в композициях присутствует двойничество, что мир не однозначен, в нем всегда есть противоречие и выбор.

Когда-то старые мастера часто обращались к теме «Пляски смерти». Димитрий Лебедев написал «Пляску жизни» (так и названа одна из его работ).

Чюрленис был его учителем в видении мира. Но, вглядываясь в акварели Лебедева, я вижу, что и Георгий Цомакион, и Олег Соколов гордились бы таким предшественником.

Один архив. Одна находка. Но как она расширила наше представление о художественных поисках в переломные годы, когда мир встал на дыбы.

Александр Дмитренко очень точно назвал эту экспозицию выставкой-исследованием. Удивительно и то, что перед нами предстает не просто незаурядный художник, о возрасте которого забываешь, а единое всетворчество, где нет начала и конца — а есть преклонение перед тем, какими огненными столпами из века в век говорит звезда со звездой и с человеком, услышавшим музыку сфер.

Композиция — 14. 13 x 14,4, бумага, карандаш, 1918 (Requiem 2).